

— ... — Фан Цзычэнь почувствовал, как у него запульсировало в висках. Глядя на несколько гладких веток в маленькой ручонке, он ощутил, как лицо обдает жаром. — Премного благодарен!

«Палочки вместо бумаги... Добро пожаловать в каменный век», — удрученно подумал он.

В прошлой жизни Фан Цзычэнь привык, что в уборной всегда под рукой мягкий рулон, и поначалу в этом мире частенько попадал впросак. Несколько раз, уже закончив свои дела в нужнике, он с ужасом обнаруживал полное отсутствие чего-либо подходящего. В первый раз он и вовсе растерялся, не зная, что предпринять, и тогда его «маленький ангел» Гуай-цзай наломал у дороги веток и принес отцу.

Но малец тогда очистил их от коры, сделав палочки скользкими и совершенно бесполезными. В итоге на помощь пришлось звать Чжао-гэра, который притащил охапку широких листьев.

Фан Цзычэнь, высунув руку из нужника, долго разглядывал подношение, прежде чем спросить:

— И... как этим пользоваться?

Когда он наконец вышел, Чжао-гэр посмотрел на него так... словно перед ним был не взрослый муж, а скорбный разумом калека.

Впрочем, к листьям он со временем привык. Это было еще куда ни шло. Фан вспомнил, как в первый день в деревне зашел по нужде к старосте. В углу нужника стояли две корзины, полные кукурузных початков. Сначала он не понял, зачем они там, пока Хэ Си не просветил его...

Одна корзина была для новых, другая — для использованных.

Тогда Фан Цзычэнь потрясенно спросил:

— Вы серьезно пользуетесь этой штукой? Там же... кхм... не больно?

На вид те початки были грубыми и колючими — даже в руках держать неприятно.

— Да нет, — Хэ Си в недоумении почесал затылок. — У нас в деревне все так делают. Дело привычки.

«...»

«Ну и ну, стальные у вас, однако, задницы», — только и смог подумать тогда Фан.

— Кто победнее — те листьями да палками обходятся, — добавил Хэ Си.

В тот момент Фан Цзычэнь окончательно лишился дара речи.

***

Ужин в этот вечер выдался на славу. На грядках во дворе как раз поспела первая зелень, и Чжао-гэр сорвал охапку нежных ростков, чтобы припустить их вместе со шкварками. Вкус получился изумительный. Своих полей у них не было, но супруг не сидел без дела, постоянно выбираясь в лес за дикими травами и кореньями.

Зная, что Фан Цзычэнь довольно разборчив в еде, тот изо всех сил старался разнообразить стол.

Сейчас, в июле, на склонах гор всюду пробивались молодые побеги бамбука. Несколько дней назад он принес целую корзину, нарезал их и поставил вымачиваться. То, что не съели сразу, отправилось в чан — заквашиваться.

Побеги бамбука требовали много масла при готовке, поэтому в деревне их ели редко. Но вчера супруг заметил, как Фан Цзычэню полюбилось это блюдо, и сегодня снова приготовил его: обжарил нежные ломтики со шкварками и подал с рассыпчатым белым рисом.

— Вкусно? — с надеждой спросил Чжао-гэр.

— Очень! — отозвался Фан. Заметив, что супруг в основном налегает на овощи, он подложил ему в миску зажаристую шкварку:

— Ешь. У нас их вдоволь, нечего экономить. Если закончатся — еще куплю.

На душе у Чжао-гэра стало тепло и уютно:

— Угу.

Белого риса он не пробовал уже больше десяти лет — почти забыл его вкус.

***

После ужина Гуай-цзай уселся на пороге, смешно кля носом. За день он набегался так, что теперь, наевшись досыта, засыпал на ходу, совсем как поросёночек.

Чжао-гэр быстро искупал сына и перенес в кровать — малец уснул прежде, чем голова коснулась подушки.

Фан Цзычэнь тоже чувствовал себя совершенно разбитым. Было около восьми вечера — время, когда в прошлой жизни он только начинал задумываться о планах на ночь. Теперь же подернутый дымкой лунный свет казался ему сигналом к отбою. Ополоснувшись, он вернулся в комнату. Заметив, что Гуай-цзай спит у самой стены, он спокойно улегся рядом, не почуяв неладного.

Спустя время вернулся Чжао-гэр. Когда он лег в постель, Фан Цзычэнь внезапно почувствовал его близость. Горячее дыхание коснулось шеи, и он вздрогнул, мгновенно растеряв остатки сна.

— Ты... ты чего это? — выдавил он.

Супруг молчал. В тишине комнаты, нарушаемой лишь мерным сопением ребенка, он нащупал руку мужа и крепко переплел их пальцы.

Его ладонь была горячей и чуть грубой от работы, но пальцы заметно дрожали. В темноте голос Чжао-гэра прозвучал так же неуверенно, как в их самую первую ночь:

— Ты... хочешь?

Его дыхание сбилось.

— Нет, — ответил Фан Цзычэнь, хотя сердце готово было выпрыгнуть из груди.

Тот замер. Почувствовав, что его снова отвергли, он густо покраснел и попытался высвободить руку. В темноте все чувства обостряются до предела: он услышал, как Фан Цзычэнь перевернулся на бок, а затем ощутил у самого уха обжигающий шепот.

Фан сжал его ладонь еще крепче и уткнулся носом в изгиб шеи. Голос его звучал глухо и капризно:

— Ты хоть знаешь, что значит «говорить одно, а думать другое»?

— ...Нет.

Фан прижался к нему еще теснее:

— Это когда всем сердцем хочешь, а язык мелет, что нет.

Чжао-гэр невольно захотел улыбнуться, но в следующую секунду его тело прошила дрожь, и он весь одеревенел. Фан Цзычэнь легонько прикусил его за ухо — ласково, но по-хозяйски.

— Спроси еще раз, — прохрипел Фан.

Лицо Чжао-гэра пылало. Благо в темноте муж не мог видеть его смущения. Набрав в грудь воздуха, он заставил свой голос звучать ровно:

— Так ты... хочешь?

— Ни капельки! — отрезал Фан Цзычэнь.

— Врешь... — негромко рассмеялся Чжао-гэр.

Фан отпустил его руку, поймал его лицо и несильно ущипнул за щеку. Прижавшись лбом к его лбу, он вперил в супруга взгляд, полный такого жара, что тому стало не по себе.

— Ар-р-р... — прорычал Фан Цзычэнь низким, сорванным голосом. — Сейчас я превращусь в дикого зверя. Пеняй на себя!

Молодое тело, подстегиваемое влечением к любимому человеку, не выдержало искушения. Одним резким движением Фан навис над Чжао-гэром, отчего доски кровати натужно заскрипели.

Чжао-гэр потянулся к завязкам его одежды, и эта неожиданная инициатива окончательно лишила Фан Цзычэня рассудка. Сглотнув вязкую слюну, он приник к его губам.

В некоторых вещах мужчинам не нужны учителя. Обняв Фана за шею, Чжао-гэр преданно отвечал на поцелуй. Их дыхание смешалось, губы сплелись в жадном, нетерпеливом порыве, а тишину ночи нарушили влажные звуки близости.

Казалось, сам воздух в комнате раскалился. Фан Цзычэнь чувствовал, как огонь разливается по венам, скапливаясь внизу живота. Супруг явственно ощущал его твердость. Фан начал лихорадочно распутывать одежду на нем, и тот чуть приподнялся, помогая ему, как вдруг... Фан Цзычэнь замер, словно пораженный громом.

Чжао-гэр, тяжело дыша, приоткрыл затуманенные глаза:

— Что случилось?

Фан снова уткнулся лбом в его плечо, и в его голосе послышалось неподдельное отчаяние:

— Я... я не знаю, что делать дальше.

— Но ты ведь раньше... — начал было Чжао-гэр, но Фан Цзычэнь вдруг взвыл и подскочил на месте, едва не свалившись с кровати.

— Твою же мать!..

Супруг повернул голову и тоже едва не лишился чувств от испуга.

Прямо рядом с ними в постели сидел Гуай-цзай. В темноте нельзя было разобрать выражения его лица — лишь маленький, неподвижный силуэт. Неизвестно, как долго он за ними наблюдал.

Малец сонно потер глаза и спросил:

— Отец, папа, а почему вы спите друг на дружке стопочкой?

Фан Цзычэнь: «...»

Чжао-гэр: «...»

<http://bllate.org/book/15357/1423031>